

Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова с сыном Павлом. Снимок 1915 года.

МНОГИЕ поэты в мировой литературе так тщательно скрывали биографическую подоплеку своих стихотворений, как Анна Ахматова.

Стихотворцы часто не склонны открывать адресатов своей лирики и биографические обстоятельства, нашедшие в ней отражение, по чисто личным мотивам. Были такие причины и у Ахматовой, тем более что читатели нередко искали в ее стихах своеобразный любовный дневник, а это, естественно, вызвало гнев и протест поэтов. Известно, скажем, как она сопротивлялась попыткам «вычитать» из ее стихов «роман» с Александром Блоком. Однако в большинстве случаев причины были не только личные — они проистекали из трагического противостояния Поэта и Истории.

Мы теперь знаем, как много сложных моментов было в биографии великой поэтессы, и не трудно догадаться, что порой расшифровка биографического подтекста стихов могла не только помешать их публикации, но и грозила новыми несчастьями для автора. Ведь не зря Ахматова вычеркнула все посвящения Борису Анрепу, уехавшему в 1917 году в эмиграцию (см. «Неделю» № 10 за 1989 год). Покров тайны окутывал ее позднюю лирику, частично собранную в циклах «Синие», «Шиповник цветет» и «Полночные стихи», так как сама поэтесса полагала, что недопустимая встреча с их адресатом, приезжим иностранцем, стала одной из причин печально известного Постановления ЦК 1946 года, надолго вычеркнувшего творчество Ахматовой из нашей литературы.

Позтому и сама Ахматова, и комментаторы ее поэзии тщательно обходили биографические обстоятельства создания этих стихов, особенно важные для их понимания, так как эта великолепная лирика — обобщение трагического опыта Ахматовой в 40—50-е годы.

Удивительную судьбу своих стихов поэтесса поведала в коротком стихотворении: От странной лирики, где каждый шаг — секрет, Где пропасти налево и направо, Где под ногой, как лист увядший, — слава, По-видимому, мне спасенья нет.

Можно говорить о «скрытых» циклах в поэзии Ахматовой, связанных с биографическими моментами. Эти циклы чрезвычайно важны для понимания ее творчества и почти не исследованы по причинам, о которых было сказано. К таким циклам относятся стихи, посвященные Борису Анрепу, и та поздняя лирика, которая связана с горькими обстоятельствами встречи поэтессы с «гостем из будущего» — так она назвала ее адресата в «Поэме без героя».

Можно говорить о «скрытых» циклах в поэзии Ахматовой, связанных с биографическими моментами. Эти циклы чрезвычайно важны для понимания ее творчества и почти не исследованы по причинам, о которых было сказано. К таким циклам относятся стихи, посвященные Борису Анрепу, и та поздняя лирика, которая связана с горькими обстоятельствами встречи поэтессы с «гостем из будущего» — так она назвала ее адресата в «Поэме без героя».

Не менее «завысоопасными» были стихи, содержащие отсылки на трагическую гибель ее первого мужа, поэта Николая Степановича Гумилева, который был расстрелян в 1921 году как участник контрреволюционного заговора. Эти стихи также представляют собой несомненную целостность и вместе с «Реквиемом» принадлежат к самым трагическим страницам в творчестве Ахматовой. Их можно было бы назвать — Первый Реквием.

Большинство этих стихов опубликовано в сборнике «Anno Domini» («В лето господне 1921»), вышедшем в 1922 году. В центре этой книги, в которой переплелись переживания поэтессы событий первых послереволюционных лет, — образ погибшего Гумилева, хотя формально ему там не посвящено ни одного стихотворения. Напротив, поэтесса позаботилась о том, чтобы эти стихи, исполненные высокого трагизма, были разбросаны по разным разделам сборника и, так сказать, затерялись в массе других.

Но для того чтобы полностью понять смысл стихов, составляющих, как мне представляется, нечто подобное Первому Реквиему в творчестве Ахматовой, необходимо оглянуться назад, на историю непростых взаимоотношений Анны Андреевны и Николая Степановича. Переписка их в основном не сохранилась, и то, что стало известно, собирается по крохам. Впрочем, мы и не ставим перед собой цель разбирать в личных отношениях этой супружеской пары. Речь идет только об их поэтической интерпретации в творчестве Ахматовой.

Будущие супруги познакомились еще в гимназические годы. Известно, что Анна Андреевна сначала отказала Гумилеву и лишь спустя какое-то время согласилась стать его женой. Задолго до свадьбы, которая состоялась в 1910 году, она писала по поводу своих отношений с женихом словами известного романа: «Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю». В воспоминаниях современников Ахматова при вступлении в литературные салоны Петербурга предстает робкой, тоненькой, почти девочкой, ни на шаг не отходившей от своего мужа, молодого поэта, уже завоевавшего в то время литературную известность.

За годы их совместной жизни Ахматова посвятила мужу только два стихотворения. Одно написано через полгода после свадьбы:

Он любил три вещи на свете: За вечерней — пеню, белых павлинов И стертые карты Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чая с малиной И женской истерики. ...А я была его женой.

Это стихотворение резко выделяется на фоне ранней ахматовской лирики той горькой иронией.

Более ясный свет на их отношения в восприятии Ахматовой бросают строки второго стихотворения, посвященного мужу:

В ремешках пенал и книги были, Возвращалась я домой из школы. Эти липы, верно, не забыли Нашей встречи, мальчик мой веселый. Только, ставши лебедем надменным, Изменился серый лебеденок. А на жизнь мою лучом нетленным Грусть легла, и голос мой незвонко.

Стихотворение это помечено 1912 годом. Гумилев уже становится признанным мэтром поэтической школы акмеистов, которая формируется именно в это время. В нее вошла и Ахматова, признававшая бесспорный поэтический авторитет мужа (хотя и тогда она не стала «правороной акмеисткой»). И все же... Грусть, которая легла на ее жизнь и стихи, как-то связывается с тем, что «веселый мальчик» стал «лебедем надменным».

Эпиграф к ахматовскому сборнику «Чатки» (1914) — стих Баратынского: Прости ж навеки! Но не знай, Что двух виновных, Не одного, найдутся имена В стихах моих, в преданиях любовных.

В 1913 году, видимо, назрел кризис в отношениях поэтической четы. В американском издании Гумилева автор предисловия Г. П. Струве говорит об этом, но предпочитает не вдаваться в существо дела, сославшись на то, что в то время была еще жива Ахматова, не сказавшая об этом публично ничего. В Записках об Ахматовой Л. К. Чуковской есть такой эпизод (7 октября 1962 года): «Сегодня она раздраженная, сердитая... Главным предметом разговора — и гнева — биография Гумилева, написанная Струве... Я получила предложение умереть, да, да, не смеяться — и показала в книге строку: «Андреевна Ахматова еще жива»... Очень вежливо, не правда ли? А главная задача биографа — вычеркнуть меня из Колонии жизни... Меня, видите ли, никогда

В 1913 году, видимо, назрел кризис в отношениях поэтической четы. В американском издании Гумилева автор предисловия Г. П. Струве говорит об этом, но предпочитает не вдаваться в существо дела, сославшись на то, что в то время была еще жива Ахматова, не сказавшая об этом публично ничего. В Записках об Ахматовой Л. К. Чуковской есть такой эпизод (7 октября 1962 года): «Сегодня она раздраженная, сердитая... Главным предметом разговора — и гнева — биография Гумилева, написанная Струве... Я получила предложение умереть, да, да, не смеяться — и показала в книге строку: «Андреевна Ахматова еще жива»... Очень вежливо, не правда ли? А главная задача биографа — вычеркнуть меня из Колонии жизни... Меня, видите ли, никогда

не было... На самом же деле он был так влюблен, что брал деньги у ростовщика под большие проценты и приезжал в Севастополь, чтобы 10 минут видеть мой надменный профиль... Этого Струве не знает, этого никогда не было... Зато чуть запахло разводом, он тут как тут...» В тех же воспоминаниях приводится гневная тирада Анны Андреевны по поводу другой книги, вышедшей за рубежом: «Придумано, будто я отсутствую в лирике Гумилева, будто он меня никогда не любил! Но ведь вся его лирика до определенного года, до душевного разрыва, до «Пятистопных ямбов» — вся полна мною. Дальше, правда, нету меня».

Однако в комментариях Струве, вызвавших такую обиду Ахматовой, как раз приводятся «Пятистопные ямбы», о которых она говорит и в которых ясно отражены назревающий разлад: «Ты, для искал я на Леванте Нетленный пурпур королевских мантий, Я проиграл тебя, как Дамантии Когда-то проиграл безумный Нальс... И ты ушла в простом и темном платье, Похожая на древнее Распятые». Гумилев тут берет вину на себя. Ахматова также намекает на его вину. Интересно в этом смысле знаменитое стихотворение 1913 года:

У разлюбленной просьба не бывает. Как я рада, что нынче вода Под бесцветным ледком замирает. И я стану, Христос помог! — На покров этот светлый и ломкий, А ты письма мои береги, Чтобы нас рассудили потомки, Чтоб отчетливо и ясно Ты был виден им, мудрый и смелый. Ты биографии славно твоей Разве можно оставить пробелы?

О том, что в этом стихотворении имеются в виду именно отношения с мужем, свидетельствует, пожалуй, переписка строчек — «В биографии славно твоей» и «Только, ставши лебедем надменным»... Конечно, герои лирики Ахматовой терпели, поэтическую трансформацию, но в основе обычно лежала подлинная драматическая ситуация. Так было и на этот раз. Впрочем, «двух виновных», не одного, найдутся имена... Свою долю вина за разрыв с мужем Анна Андреевна признавала глубоко. Может быть, тут кроется одна из причин той комплекса вины, который вообще бьет живым нервом в ее лирику, хотя его смысл в дальнейшем расширяется, вступая в резонанс с трагическим заучением эпохи.

Обращая на себя внимание стихотворение, написанное во время поездки в Новгород, где она побывала, чтобы навестить мужа, проходившего там военное обучение перед отправкой на фронт, — «Пустых небес прозрачное стекло». Таких безличных-видовых стихотворений в творчестве Ахматовой — считанное количество.

Гумилев снова появился в Петербурге на несколько месяцев в 1916 году. В это время пишется стихотворение, проникнутое острым чувством своей вины за разрыв:

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным, Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.

Страшна моей душе предгрозовая тишь, Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою, Врученным мне на век любовью и судьбою? Я предала тебя. И это повторять — О, если бы ты мог когда-нибудь устать!

После этого приезда Гумилев провел больше года за границей, получив назначение в экспедиционный корпус. Он вернулся в Россию в 1918 году. Тогда же произошел официальный развод супругов. Анна Андреевна стала женой В. Шилейко, ученого-востоковеда, недолгие и мучительные отношения с которым нашли свое отражение в цикле стихов, озаглавленном «Черный сон». Гумилев вскоре женился вторично.

Но несмотря на окончательность разрыва, на все, что разделяло теперь бывших супругов, Ахматова восприняла гибель Гумилева как трагическое знамение времени и как тяжелую личную драму.

Несомненно, что Анна Андреевна в самом деле почувствовала себя тогда вдовой, и это чувство сохранилось у нее до самой смерти, как бы ни складывалась в дальнейшем ее личная судьба.

В СБОРНИК «Anno Domini», составленный в основном из стихотворений 1921—1922 годов, Ахматова включает стихотворение 1915 года, до тех пор не опубликованное, может быть, именно потому, что там выступает образ Гумилева. Это стихотворение — «Колыбельная», посвященное сыну Льву.

Долетают редко вести К нашему крыльцу. Подарили белый крестик Твоему отцу.

Было горе, будет горе, Горю нет конца, Да хранит святая Егория Твоего отца.

В 1915 году, когда это стихотворение было написано, Гумилев получил второй Георгиевский крест. Поэтессе, видимо, не захотелось публиковать его из-за сложных отношений с мужем. Но она не случайно включила его в позднейший сборник «Anno Domini».

Стихи, которые представляют собой непосредственную реакцию на арест и расстрел Гумилева, особенно тщательно упрятаны между другими. В недавно опубликованных дополнениях к своей книге об Ахматовой В. Виленин вспоминает о том, что А. А. была убеждена в полной политической невиновности Гумилева, в том, что он был непричастен к активной контрреволюции, и приводит ее слова: «Выдумывают о нем много. А в чем состоит правда о нем? Писал прекрасные стихи, храбро воевал и погиб бесстрашно». В стихах Ахматовых даже не затрагивает вопрос о вине или невиновности Гумилева — его гибель воспринимается ею в свете почти апокалиптического трагизма всего происходящего в годы гражданской войны и военного коммунизма.

Не бывать тебе в живых, Со сну не встать. Давать восемь штыковых, Огнестрельных пять, Горькую обновушку Другу шила я. Любит, любит крошечку Русская земля.

Стихотворение помечено 16 августа 1921 года. Казнь Гумилева произошла в конце этого месяца, точная дата неизвестна. Таким образом, это стихотворение, написанное вскоре после его ареста (3 августа), и, несомненно, связанное с его переживаниями по поводу этого события, грозившего бедственными последствиями в то время, можно назвать страшным пророчеством. Это стихотворение обычно связывали с кругом стихов, написанных в военные годы. Однако известна точная дата его написания.

Непосредственная реакция на известие о расстреле Гумилева, очевидно, — стихотворение из того же сборника, помеченное 27—28 августа. Видно, оно написано сразу же после получения ею страшного вест.

Страх, во тьме перебирал вещи, Лунный луч наводит на топор. За стеною слышен стук зловоющих, Что там — крысы, призраки или вор! В душной кухне плещется водою, Половинчат шатким счет ведет. С глянцевого черной бороною За окном чердачным промелькнет —

25 (1525). 1989 г.

И притихнет. Как он вол и локот, Спички спрятал и селу задул. Лучше бы поблескивали дул В груди мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой На помост некрашенный прилечь, И под клики радости и стоны Красной кровью до конца истечь.

Видел я тот венец златокованный... Не завидуй такому венцу! Потому что и сам он ворованный, И тебе он совсем не к лицу.

Туго согнутой веткой терновое Мой венец не тебе заблестит. Ничего, что россою багровою Он изнеженный лоб освесит.

Дата под этим стихотворением — 8 мая 1922 г. — годовщина свадьбы Анны Андреевны и Николая Степановича (на это обратила внимание Н. А. Жирмунская в примечаниях к сборнику Ахматовой в Малой серии Библиотеки поэта). Таким образом, связь этого стихотворения с памятью о Гумилеве несомненна. Можно сказать, что и в нем звучит тот же «другой голос», обращенный к поэтессе, что и в цикле под этим названием. А мысль о том, что утерянные после революции благ — «ворованные», переключается со строчки из «Поэмы без героя», где по поводу роскоши, окружающей героиню,

говорится «полукрадено это добро». Мученичский, терновый венец — символ добровольно принятых страданий — сродни тем мотивам, которые появляются и в других стихотворениях того же времени: А здесь, в глухом чеду пожара, Остаток юности губя, Мы ни единого удара Не отклонили от себя.

Посмертно опубликовано ее стихотворение 1925 года, где она свидетельствует о горестном осуществлении этого предсказания:

О, знала ль я, когда, томясь успехом, Я искушала дивную судьбу, Что скоро люди беспощадным смехом Ответят на предсмертную мольбу.

И в этом стихотворении снова появляется как бы тень Гумилева:

О, знала ль я, когда неслась, играя, Моей душе последняя гроза, Что лучшему из юностей, рыдая, Закрою я орлиные глаза.

Это стихотворение не входило первоначально в сборник «Anno Domini», как и стихотворение «Многим». Оба они были включены в него позднее. В последнем стихотворении почти в том же контексте появляется воспоминание о муже:

Вот отчего вы дали неоглядно Мне лучшее из ваших сыновей; Вот отчего вы даже не спросили

Перебирая мужнины слова, Она рыдать не перестает.

(15 сентября 1921 г.)

И тогда же пишется стихотворение, проникнутое глубоким желанием взаимного прощания, примирения, пусть из-за могилы:

Пока не свалило под забором И ветер меня не добьет, Меню о спасении скором Меня, как проклятие, жмет.

Упрямя, жду, что случится, Как в песне случится со мной, — Уверенно в дверь постучится И прежний, веселый, дневной

Войдет он, и скажет: «Довольно, Ты видишь я тоже простил». — Не будет ни страшно, ни больно. Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспечестве смуты Я сердце мое берегу, Что смерти без этой минуты Представить себе не могу.

В примечаниях к зарубежному изданию Ахматовой (III том) Струве приводит одно межународное свидетельство, в котором это стихотворение относится к Н. В. Недробову. Однако известие о смерти Недробова было получено Ахматовой еще в 1920 году, а сама дата написания (30 августа) — то есть сразу же после получения известия о расстреле Гумилева) и содержание стихотворения, никак не отвечающее характеру взаимоотношений Ахматовой с Недробовым, заставляют с уверенностью отнести это стихотворение к Первому Реквиему.

«Веселым, дневным» образ мужа не появляется в ее поэзии больше никогда — слишком тяжелые воспоминания он вызывал. Но в стихах, связанных с ним и написанных вскоре после его трагической гибели, ошутимо чувство просветления,

обретенного в страдании, которое вообще присутствует в ее стихах тех лет.

В этом смысле обращает на себя внимание стихотворение «Предсказание», опубликованное посмертно и упоминавшееся самой Ахматовой среди ключевых ее произведений.

Видел я тот венец златокованный... Не завидуй такому венцу! Потому что и сам он ворованный, И тебе он совсем не к лицу.

Туго согнутой веткой терновое Мой венец не тебе заблестит. Ничего, что россою багровою Он изнеженный лоб освесит.

Дата под этим стихотворением — 8 мая 1922 г. — годовщина свадьбы Анны Андреевны и Николая Степановича (на это обратила внимание Н. А. Жирмунская в примечаниях к сборнику Ахматовой в Малой серии Библиотеки поэта). Таким образом, связь этого стихотворения с памятью о Гумилеве несомненна. Можно сказать, что и в нем звучит тот же «другой голос», обращенный к поэтессе, что и в цикле под этим названием. А мысль о том, что утерянные после революции благ — «ворованные», переключается со строчки из «Поэмы без героя», где по поводу роскоши, окружающей героиню,

говорится «полукрадено это добро». Мученичский, терновый венец — символ добровольно принятых страданий — сродни тем мотивам, которые появляются и в других стихотворениях того же времени: А здесь, в глухом чеду пожара, Остаток юности губя, Мы ни единого удара Не отклонили от себя.

Посмертно опубликовано ее стихотворение 1925 года, где она свидетельствует о горестном осуществлении этого предсказания:

О, знала ль я, когда, томясь успехом, Я искушала дивную судьбу, Что скоро люди беспощадным смехом Ответят на предсмертную мольбу.

И в этом стихотворении снова появляется как бы тень Гумилева:

О, знала ль я, когда неслась, играя, Моей душе последняя гроза, Что лучшему из юностей, рыдая, Закрою я орлиные глаза.

Это стихотворение не входило первоначально в сборник «Anno Domini», как и стихотворение «Многим». Оба они были включены в него позднее. В последнем стихотворении почти в том же контексте появляется воспоминание о муже:

Вот отчего вы дали неоглядно Мне лучшее из ваших сыновей; Вот отчего вы даже не спросили

Перебирая мужнины слова, Она рыдать не перестает.

(15 сентября 1921 г.)

И тогда же пишется стихотворение, проникнутое глубоким желанием взаимного прощания, примирения, пусть из-за могилы:

Пока не свалило под забором И ветер меня не добьет, Меню о спасении скором Меня, как проклятие, жмет.

Упрямя, жду, что случится, Как в песне случится со мной, — Уверенно в дверь постучится И прежний, веселый, дневной

Войдет он, и скажет: «Довольно, Ты видишь я тоже простил». — Не будет ни страшно, ни больно. Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспечестве смуты Я сердце мое берегу, Что смерти без этой минуты Представить себе не могу.

В примечаниях к зарубежному изданию Ахматовой (III том) Струве приводит одно межународное свидетельство, в котором это стихотворение относится к Н. В. Недробову. Однако известие о смерти Недробова было получено Ахматовой еще в 1920 году, а сама дата написания (30 августа) — то есть сразу же после получения известия о расстреле Гумилева) и содержание стихотворения, никак не отвечающее характеру взаимоотношений Ахматовой с Недробовым, заставляют с уверенностью отнести это стихотворение к Первому Реквиему.

«Веселым, дневным» образ мужа не появляется в ее поэзии больше никогда — слишком тяжелые воспоминания он вызывал. Но в стихах, связанных с ним и написанных вскоре после его трагической гибели, ошутимо чувство просветления,

Меня ни слова никогда о нем И чадными хвалами задымили Мой навсегда опустошенный дом. «Лучшему из юношей...» — «лучшего из ваших сыновей»...

Эпиграф к сборнику «Anno Domini» в первых изданиях — латинский текст: — «Nec sine, nec tunc vivere possum», что означает: «Ни без тебя, ни с тобой жить не могу». Очевидно, и тут подразумевается ее отношения с Гумилевым, итог которых подвела его гибель. Впрочем, эпиграф можно трактовать и более широко — в плане тогдашних раздумий поэтессы о родине и эмиграции.

В начале 20-х годов Ахматова вообще как бы подводит итог своего предыдущего творчества и жизни: «Над прошлым я черной поставила крест» — напишет она много позже. Одно из стихотворений, содержащее также «подведение итогов», — «Новогодняя баллада», написанная в 1923 году. Это стихотворение занимает особое место в творчестве Ахматовой, потому что в нем видят то зерно, из которого впоследствии выросла «Поэма без героя» (приход мертвых под Новый год и встреча с ними поэтессой). Цитата из этого стихотворения вошла в поэму («Отчего мои пальцы словно в крови, и вино, как отравля, жжет?»).

Вот начало «Новогодней баллады»: И месяц, скучая в облачной мгле, Бросил в горницу тусклый взор. Там шесть приборов стоят на столе, И один только пуст прибор. Это муж мой, и я, и друзья мои Встречаем новый год.

Число шесть тут не случайно (сказочное число, пригодное для баллады, скорее три или семь). Речь идет о реальных людях, гибель которых поэтесса оплакивает, встречая этот новый, 1923 год. Это прежде всего муж — Николай Степанович Гумилев; «друг» — это, видимо, Н. В. Недробов, который незадолго перед этим умер от чахотки в Крыму; «третий», не знавший еще ничего, когда он покинул свет», очевидно, поэт Всеволод Князев, самоубийство которого в 1913 году, на пороге исторических трагедий, — одна из тем ее «Поэмы без героя». О четвертом в стихотворении не говорится ничего, но это может быть только Александр Блок, чья смерть в том же трагическом для Ахматовой 1921 году она горько оплакивала. Пятая — сама поэтесса, а о шестом мертвые говорят: «Кого еще с нами нет» — это живой, как бы связанный с будущим поэтессой.

Строки, посвященные Гумилеву: Хозяин, поднимай полный стакан, Был важен и недвижим; Я пью за землю родных полей, В которой мы все лежим.

В этом стихотворении слышны отзвуки «Другого голоса» из «Anno Domini»: «Дальний зов» — «дальний голос» — обращение «ангел мой». Может быть, тут в последний раз в поэзии Ахматовой появляется образ Гумилева.

Реквием, который она начала слагать в память погибшего сразу же после его горькой кончины, не был завершен до конца. Из-за этого не был завершен и трагизм эпохи, что он не может не захватить читателя.

И. БЕРНШТЕЙН, доктор филологических наук.

НОВЫЙ ФАУСТ

Мужаном Фауста, и опять не только Гете: «Пушкин в «Каменном госте» сделал для своего героя то же, что Гете сделал для народного мифа — «Фауста» и Байрон для своего Фауста — «Манфред». Во всех трех случаях «миф» (комплекс моральных черт) получает новую реальную биографию, кроме контрастного слога, который находится во всех мифах. По мнению Ахматовой, Гете уступил своему герою большую часть своей души и биографии. Это же, видимо, требовалось и от Пастернака, прикинувшего Ахматовой.

И что знает, может, именно в самолете, на сей раз летящем из Средней Азии в Москву, Ахматовой вновь пришла мысль о «Фаусте»: «Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из семи бесов самого «скороточного», думать, что примерно через 150 лет скоростная Ил-60 скоростная — одна из проблем нового «Фауста».

Давая Пастернаку это замысел, Ахматова перебрала в своем сознании всех Фаустов. И если уж речь шла о новом «Фаусте», то там должно быть то, чего еще не было ни у одного из поэтов.

«...Но еще ни один не сказал поэт, Что мудрости нет, и старости нет. А может и смерти нет? Поэт мог сказать об этом поподробнее в новом «Фаусте».

В ту майскую встречу я много рассказывала Ахматовой о молодых поэтах, с которыми мне успел подружиться в Москве. И может быть, рассказав о великом замысле, который Пастернак понял так поздно, Ахматова решила передать этот замысел через меня кому-нибудь из поэтов. Ведь в сущности поэзия не может жить без великих замыслов, а дело, из которого надо продолжать, — «Наше было нечестно делом», как сказала сама Ахматова.

Валентин БЕРЕСТОВ.